

Бой Добрыни с Дунаем (5)

<...> Да три года жил Добрынюшка да конюхом;
Да три года жил Добрынюшка придверьничком;
Да три года жил Добрынюшка ле ключником,
Ключником Добрынюшка — замочником,
Золотой-де казны да жил учотщиком.
Тому времени минуло да ровно девять лет.
На десят-от год тут здумал ехать во чисто полё,
Да во то где роздольцо во широкоё.
Да пошел где Добрынюшка ле на конюшин двор,
Брал он своёго да коня доброго,
Да седлал-де, уздал да коня доброго,
Да застегивал двенаццэт да подпруг шолковых,
(А шпёночки у их были булатныя!)
Да тринацтату тянул да через степну кость
Да сбруню богатырьскую:
Он не ради басы — дак ради крепости,
Ради убору да лошадинного,
Ради бы поезки да молодецькое —
Не оставил бы конь дак во чистом поли.
А садилсэ Добрынюшка на добра коня,
А поехал Добрынюшка во чисто полё.
Темны леса да приизъедучи,
Черны-ти грязи да прииска́кучи,
Выехал Добрыня да на чисто полё
А на то где роздольё да на широкоё,
Да на те где шоломя на ровныя,
Да на ровны-ти шоломя окатисты.
Да завидял тут Добрынюшка на чистом поли,
Да завидял он: тут на поли стоит черн шатёр.
А поехал Добрынюшка к черну шатру.
Приезджаёт Добрыня да ко черну шатру —
Да стоит тут у черна шатра бочка да с зелёным вином,
Да на бочки бы положена братынечка бы серебрянна.
А соскакивал Добрынюшка с добра коня,
Заглянул бы Добрынюшка во черны шатёр —

А в черном-де шатри да никово ведь не случилось.
Брал он братынечку серебряну,
Да нацедил он братыню да зелёна вина
(Да не мала, не велика — да полтара ведра!) —
Выпивал-де Добрынюшка братынечку к едину духу.
Нацедил он братыню да он ле вторую —
Выпивал он братынечку ле вторую.
Нацедил он братынечку ле третью же —
Выпивал он братыню ле третью же.
Тут-то Добрынюшка хмелён он стал.
Да написано на бочки было, подрезано,
Да подрезаны-ти подрези глубокия:
«Ишше хто же приедёт тут к моёму тут к черну шатру,
А напьецьсе тут с бочки да зелёна вина,
Розобьёт мою бочку да с зелёным вином,
Да ростопцёт ле братынецьку серебряну,
Да прырвёт-притрёпат да мой-от черн шатёр —
Да тому же на свети да живому не быть!»
Тут-то Добрыни за беду стало,
За велику-де досаду да показалосе.
Он розбил тут-то бочку да с зелёным вином,
Ростоптал-де братынечку серебряну,
Да прирвал-притрёпал да он тут черн шатёр,
Да на то место поставил да свой-от бел шатёр.
Повалилсэ тут Добрынюшка во бел шатёр,
Тут-то Добрынюшка ведь заспал же.
Да ездил Дунай-от по чисту полю,
Приезджаёт-де Дунай да из чиста поля.
Приезджаёт Дунай да ко своёму-ту черну шатру —
Да черна где шатра дак не случилосе:
Да на то место поставлён да стоит бел шатёр;
Да розбита тут-то бочка да с зелёным вином;
Да ростоптана братынечка серебряна;
Да прирван-притрёпан да его черн шатёр;
Да на то место поставлён тут-то бел шатёр.
Тут-то Дунаюшку за беду стало,
За велику досаду показалосе.
Да соскакивал Дунай-от с добра коня,
Забежал-де Дунаюшко во бел шатёр,

Выхватил он свою да саблю вострую,
Да хотел он срубить дак буйну голову.
Сам же Дунаюшко роздумалсэ:
«Да сонного губить — да що тут мёртвого,
Лутше тут его да побудить будёт!»
Да будил он Добрынюшку Мекитича:
«Тебе полно тут спать, ноне пора ставать —
Выходи-тко, Добрыня, да ты на улицу!
Мы теперице с тобой да нынь побратаимсе:
Чья же тут на поли да будет Божья помощь?
Ты зачем ты розбил мою бочку да с зелёным вином,
Ростоптал где тут братынечку да серебряну,
Прирвал-притрёпал да мой-от черн шатёр?»
Пробужалса Добрыня от крепкого сну,
Выходил-де Добрынюшка на улицу
Да имал-де своёго да коня доброго.
Да сядились молоччики на добрых коней;
Они съехались, робята, поздоровались.
Не два сокола вместях они слеталисе —
Да два молоцца они да тут съезджалисе.
Они съехались, робята, да поздоровались.
Они вострыма-ти копьеми кололисе —
По насадочкам у их копейца посвёртывались:
Не один они друг друга не ранили.
Они бились тут палицами буёвыма —
В руково[я]точках палочки розгорелисе:
Не один они друг друга не ранили.
Они острыми-ти саблеми рубилисе —
Все они сабли да прищорбали ведь:
Не один они друг друга не ранили.
Нецим удалым стало воёватисе —
Да соскакивали они тут да с добрых коней,
Схватывались они да тут плотным боём, рукопашкою.
Они билисе-водились да целы суточки —
Да сворочали тут матушку сыру землю,
Всё ровно тут сделали желтым песком.
Нынече было да во ту пору
Ездил бы Олешенька по чисту полю —
А завидял он ле драку тут — куласьней бой.

Одёржал он своёго да коня доброго,
Да думал-де Олешенька тут думушку,
Сам-от Олешенька роздумалсэ:
«Это хто же на поле деруцце же?
Как руськой-от дерецьсе тут не с верным же —
Надо бы тогда руському-ту помощь дать!
Да обе-ти дерецьсе дак они руськи же —
Надо их тут будёт рознеть же ведь!»
Да поехал Олеша да к ихной драки же.
Приезджаёт Олешенька тут к им же ведь,
Да завидял: дерецьсе да обе руськи же.
Да соскакивал Олешенька с добра коня,
Ростолкал ихну драку тут, куласьней бой.
Стал где Олешенька выпрашивать:
«Да об цём деритесь, да об цём ссоритесь?»
Стал-де Добрынюшка розказывать:
«Ездил тут я дак по чисту полю
Да увидял: тут на поли стоит черн шатёр.
Я приехал тут ведь я тут да к черну шатру —
Да стоит у черна шатра бочка да с зелёным вином,
Да на бочки тут положона братынечка была серебряна.
Брал я братынечку серебряну,
Нацедил я братыню да зелёна вина —
Выпивал я братыню да зелёна вина.
Нацедил я братыню ту ле вторую —
Выпил братынечку ту вторую.
Нацедил я братыню ту ле третью же —
Тут-то стал да я хмелён же ведь.
Да написано на бочки было, подрезано,
Были подрези на ей да тут глубокия:
„Хто приедёт тут к моёму тут к черну шатру,
Нацедит тут из бочки да зелёна вина,
Да роз[о]бьёт-розломат мою бочку да с зелёным вином,
Да ростопчот братынечку серебряну,
Розорвёт-рострѣпат да мой-от черн шатёр —
Да тому же бы на свети да живому не быть!”
Тут-то ведь мне да за беду стало,
За велику досаду да показалосе:
Да розбил тут я бочку да с зелёным вином,

Ростоптал я братынечку серебряну,
Да прырвал-притрёпал дак его черн шатёр,
Дак на то место поставил да свой-от бел шатёр».
Росудил Олешенька Попович ведь —
Овинил он Дуная сына Ивановича:
«Наши руськи не ставят тут черных шатров!»
Дак опутали Дунаюшка в опутинки шолковыя —
Повезли тут его да в стольне Киев-град.
Да привозят ко Владимёру да стольне-киевскому,
Стал бы Владимёру Добрынюшка розказывать:
«Я выехал тут, Добрынюшка, да во чисто полё,
Да во то где роздольцо во широкоё,
Да на те где на шоломя на ровныя,
А на ровны-ти шоломя окатисты,
Да завидял: тут на поли стоит черн шатёр,
Да поехал тогда было к черну шатру.
Я приехал к ему тут ведь, к черну шатру,
Да соскакивал тут я дак тут с добра коня,
Я взглянул-посмотрел да я во черн шатёр —
Во черном-де шатри дак некого дак не случилосе,
Да стоит у черна шатра бочка да с зелёным вином,
Дак на бочки тут положона братынечка серебряна.
Брал я тут братынечку серебряну,
Нацедил я братыню да зелёна вина —
Выпил я братыню да зелёна вина.
Нацедил я братыню ту ле вторую —
Выпил братыню да я ле вторую.
Нацедил я братыню ту ле третью же —
Выпил братынечку ли третью же.
Тут-то ведь я дак ведь хмелён стал.
Да написано на бочки было, подрезано,
Да подрезаны тут подрези глубокия:
„Хто приедёт тут к моёму тут к черну шатру,
Розобьёт мою бочку да с зелёным вином,
Да ростопчот братынечку серебряну,
Да прирвёт-притрёпат да мой-от черн шатёр —
Да тому бы на свети да живому не быть!”
Тут-то ведь мне да за беду стало,
За велику досаду показалосе:

Я разбил тут-то бочку да с зелёным вином,
Ростоптал я братынечку серебряну,
Да прырвал-притрёпал да я ле черн шатёр,
Да на то место поставил да свой-от бел шатёр.
Повалилсе я во свой-от во бел шатёр,
А выпивши тут я да ведь и заспал же.
Он приехал, Дунай, дак из чиста поля,
Розбудил он меня да от крепкого сну,
Стал он тут звать дак он на улицу:
„Уж мы съедимсе с тобой — дак поздороваимсе:
Чья будёт на поли Божья помошшь?“
Пробужалса тут я да от крепкого сну,
Выходил тут я да из бела шатра,
Выходил тут ведь я дак на улицу.
Да сядились мы, удалы, на добрых коней,
Тут съехались мы — дак поздоровались.
Вострыма копейцеми кололисе —
По насадоцькам они у нас посвёртывались:
Не один мы тут друга да не ранили.
Билисе тут палицэми буёвыма —
В руков[ят]очках палочки розгорелисе:
Не один мы тут друг друга не ранили.
Вострыма-ти саблеми рубилисе —
Не один мы ведь друг друга да не ранили.
Нецим нам, удалым, да стало воёватисе —
Да соскакивали мы было с добрых коней,
Схватывалисе мы тут плотным боём,
Да плотным-де боём — дак рукопашкою.
Да билисе-водились да челы суточки —
Да приехал бы Олёшенька из чиста поля,
Ростолкал нашу драку, да тут куласьней бой.
А суди ты, Владимёр, коей прáв — виновáт!»
Россудил бы Владимёр, да овинил да он
Дуная сына Ивановича.
Собирал он бояр дак своих думных же:
«Уж вы ой еси, бояра да мои думныя!
Уж вы думайте-тко думу да заёдиное.
Ище наши-ти ведь руськи да ездят по чисту полю —
Дак не ставят бы они дак тут черных шатров,

А возят с собой бы они белы шатры.
Мы куда тут Дуная будём девати же?
Да сослать ёго восылки-ти во дальняя,
Да во ту же ёго силу неверную —
Он приедёт тут с неверныма в столн-ёт Киев-град,
Выпленил тут наш да стольне Киев-град.
Да повесить тут на виселицю высокую
Ле посадить-де ёго во темны подгрёба?»
Они думали тут думу да заединоё,
Да придумали они да тут посадить Дунаюшка во погрёбы:
«Уж ты ой еси, да Владимёр стольне-киевской!
Собирай ты голей да ты кабацких же,
Да копай-ко-се ты да ведь глубок погрёб,
Засади-тко Дунаюш[к]а в темён погрёб!»
Собирал он голей да тут кабацких же,
Да копали голи они темён погрёб,
Посадили Дунаюшка во глубок погрёб —
Задегивали тут полосы жалезныя,
Засыпали хрящом дак мелким каменьям...
Тут-то Дунаюш[к]о и кончилсэ.

(Зап. А. Д. Григорьевым 5 августа 1901 г.: д. Большие Нисогоры <Юромской вол.> — от Мартынова Александра Михайловича, по «прозвищу Олёкса Малый (из д. Малые Нисогоры), 68 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.